

Виктор Пелевин

S.N.U.F.F

ФТМ

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Виктор Пелевин

S.N.U.F.F.

«ФТМ»

2011

Пелевин В. О.

S.N.U.F.F. / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2011 — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин)

ISBN 978-5-699-53962-8

Роман-утопия Виктора Пелевина о глубочайших тайнах женского сердца и высших секретах летного мастерства.

ISBN 978-5-699-53962-8

© Пелевин В. О., 2011

© ФТМ, 2011

Содержание

Ч. 1. Damsel in distress[2]	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Пелевин

S.N.U.F.F.

jour après jour les amours mortes n'en finissent pas de mourir¹
Serge Gainsbourg

Ч. 1. Damsel in distress²

Бывают занятия, спасительные в минуту душевной невзгоды. Растерянный ум понимает, что и в какой последовательности делать – и обретает на время покой. Таковы, к примеру, раскладывание пасьянса, стрижка бороды с усами и тибетское медитативное вышивание. Сюда же я отношу и почти забытое ныне искусство сочинения книг.

Я чувствую себя очень странно.

Если бы мне сказали, что я, словно последний сомелье, буду сидеть перед маниту и нанизывать друг на друга отесанные на доводчике кубики слов, я бы плюнул такому человеку в лицо. В фигуральном, конечно, смысле. Я все-таки не стал еще орком, хотя и знаю это племя лучше, чем хотел бы. Но я написал этот небольшой мемуар вовсе не для людей. Я сделал это для Маниту, перед которым скоро предстану – если, конечно, он захочет меня видеть (он может оказаться слишком занят, ибо вместе со мной на эту встречу отправится целая уйма народу).

Священники говорят, что любое обращение к Сингулярному должно подробно излагать все обстоятельства дела. Злые языки уверяют – причина в накрутках за декламацию: чем длиннее воззвание, тем дороже стоит зачитать его в храме. Но раз уж мне выпало рассказывать эту историю перед лицом вечности, я буду делать это подробно, объясняя даже то, что вы можете знать и так. Ибо от привычного нам мира вскоре может не остаться ничего, кроме этих набросков.

Когда я начинал эти заметки, я еще не знал, чем завершится вся история – и события большей частью описаны так, как я переживал и понимал их в момент, когда они происходили. Поэтому в своем рассказе я часто сбиваюсь на настоящее время. Можно было бы исправить все это при редактировании, но мне кажется, что так мой отчет выглядит аутентичнее – словно моя история волею судеб оказалась отснята на храмовый целлулоид. Пусть уж все останется так, как есть.

Действующими лицами этой повести будут юный орк Грым и его подруга Хлоя. Обстоятельства сложились так, что я долгое время наблюдал за ними с воздуха, и практически все их приведенные диалоги были записаны через дистанционные микрофоны моей «Хеннелоры». Поэтому у меня есть возможность рассказать эту историю так, как ее видел Грым – что делает мою задачу намного интереснее, но никак не вредит достоверности моего повествования.

Моя попытка увидеть мир глазами юного орка может показаться кое-кому неубедительной – особенно в той части, где я описываю его чувства и мысли. Согласен, стремление цивили-

² Дева в печали.

зованного человека погрузиться в смутные состояния оркской души выглядит подозрительно и фальшиво. Однако я не пытаюсь нарисовать внутренний портрет орка в его тотальности.

Древний поэт сказал, что любое повествование подобно ткани, растянутой на лезвиях точных прозрений. И если мои прозрения в оркскую душу точны – а они точны, – то в этом не моя заслуга. И даже не заслуга наших сомелье, век за веком создававших так называемую «оркскую культуру», чтобы сделать ее духовный горизонт абсолютно прозрачным для надлежащего надзора и контроля.

Все проще. Дело в том, что я проделал значительную часть работы над этими записками, когда Грым волею судьбы оказался моим соседом и я мог задать ему любой интересный мне вопрос. И если я пишу «Грым подумал...» или «Грым решил...», это не мои домыслы, а чуть отредактированная расшифровка его собственного рассказа.

Конечно, трудная задача – попытаться увидеть знакомый нам с младенчества мир оркскими глазами и показать, как юный дикарь, не имеющий никакого понятия об истории и устройстве вселенной, постепенно вырастает в цивилизацию, свыкаясь с ее «чудесами» и культурой (с удовольствием поставил бы и второе слово в кавычки). Но еще сложнее попытаться увидеть чужими глазами самого себя – а мне придется быть героем этого мемуара дважды, и как рассказчику, и как действующему лицу.

Но центральное место в этом скорбном повествовании о любви и мести принадлежит не мне и не оркам, а той, чье имя я все еще не могу вспоминать без слез. Может быть, через десяток-другой страниц я наберусь достаточно сил.

* * *

Несколько слов о себе. Меня зовут Демьян-Ландульф Дамилола Карпов. У меня нет лишних маниту на генеалогию имени, и я знаю только, что часть этих слов близка к церковноанглийскому, часть к верхнерусскому, а часть уходит корнями в забытые древние языки, на которых в современной Сибири уже давно никто не говорит. Мои друзья называют меня просто Дамилола.

Если говорить о моей культурной и религиозно-политической самоидентификации (это, конечно, вещь очень условная – но должны же вы понимать, чей голос доносится до вас сквозь века), я пост-антихристианский мирянин-экзистенциалист, либеративный консервал, влюбленный слуга Маниту и просто свободный неангажированный человек, привыкший обо всем на свете думать своей собственной головой.

Если говорить о моей работе, то я – создатель реальности.

Я отнюдь не сумасшедший, вообразивший себя божеством, равным Маниту. Я, наоборот, трезво оцениваю ту работу, за которую мне так мало платят.

Любая реальность является суммой информационных технологий. Это в равной степени относится к звезде, угаданной мозгом в импульсах глазного нерва, и к оркской революции, о которой сообщает программа новостей. Действие вирусов, поселившихся вдоль нервного тракта, тоже относится к информационным технологиям. Так вот, я – это одновременно глаз, нерв и вирус. А еще средство доставки глаза к цели и (перехожу на нежный шепот) две скорострельных пушки по бокам.

Официально моя работа называется «оператор live news». Церковноанглийское «live» здесь честнее было бы заменить на «dead» – если называть вещи своими именами.

Что делать, всякая эпоха придумывает свои эвфемизмы. В древности комнату счастья называли нужником, потом уборной, потом сортиром, туалетом, ванной и еще как-то – и каждое из этих слов постепенно пропитывалось запахами отхожего места и требовало замены. Вот так же и с принудительным лишением жизни – как его ни окрести, суть происходящего требует частой ротации бирок и ярлыков.

Я благодарно пользуюсь словами «оператор» и «видеохудожник», но в глубине души, конечно, хорошо понимаю, чем именно я занят. Все мы в глубине души хорошо это понимаем – ибо именно там, в предвечной тьме, где зарождается свет нашего разума, живет Маниту, а он видит суть сквозь лохмотья любых слов.

У моей профессии есть два неотделимых друг от друга аспекта.

Я видеохудожник. Моя персональная виртостудия называется «DK v-arts & all» – все серьезные профессионалы знают ее маленький неброский логотип, видный в правом нижнем углу кадра при сильном увеличении.

И еще я боевой летчик CINEWS INC – корпорации, которая снимает новости и снафы.

Это совершенно независимая от государства структура, что трудновато бывает понять оркам. Орки подозревают, что мы им врем. Им кажется, что любое общество может быть устроено только по той схеме, как у них, только циничнее и подлее. Ну на то они и орки.

Государство у нас – это просто контора, которая конопатит щели за счет налогоплательщика. В презиратора не плюет только ленивый, и с каждым годом все труднее находить желающих избраться на эту должность – сегодня государственных функционеров приходится даже прятать.

А за горло всех держит Резерв Маниту, ребята из которого не очень любят, чтобы про них долго говорили, и придумали даже специальный закон о hate speech³. Под него попадает, если разобраться, практически любое их упоминание. Поэтому CINEWS кладет на государство, но вряд ли станет бодаться с Резервом. Или с Домом Маниту, который по закону не подконтролен никому, кроме истины (так что не стоит особо интенсивно заниматься ее поиском – могут не так понять).

Художник я неплохой, но таких немало.

А вот летчик я самый лучший, и в компании это знают все. Именно мне всегда доверяли самые сложные и деликатные задания. И я ни разу не подводил ни CINEWS INC, ни Дом Маниту.

В жизни я по-настоящему люблю только две вещи – мою камеру и мою суру.

В этот раз я расскажу о камере.

Моя камера – «Hennelore-25» с полным оптическим камуфляжем, находящаяся в моей личной собственности, что позволяет мне заключать контракты на гораздо более выгодных условиях, чем это могут делать безлошадные господа.

Я где-то читал, что «Хеннелора» – это позывной античного аса Йошки Руделя из партии «Зеленых СС», удостоенного Красного Креста с Коронками и Конопляными Листьями за подвиги на африканском фронте. Но я могу и ошибаться, потому что исторический аспект меня интересует крайне мало. Лично мне такое название напоминает имя ласковой и умной морской свинки.

По внешнему виду это рыбообразный снаряд с оптикой на носу и несколькими рулями-стабилизаторами, торчащими в разных плоскостях. Некоторые находят в «Хеннелоре» сходство с обтекаемыми гоночными мотоциклами древних эпох. Из-за камуфляжных маниту, покрывающих ее поверхность, она имеет матово-черный цвет. Если поставить ее вертикально, я буду ниже на две головы.

«Хеннелора» способна перемещаться в воздухе с невероятным проворством. Она может подолгу кружить вокруг цели, выбирая лучший угол атаки или съемки. Она делает это тихо, так что услышать ее можно только когда она подлетит вплотную. А увидеть ее при включенном камуфляже практически нельзя. Ее микрофоны могут различить и записать разговор за закрытой дверью, гипероптика позволяет видеть сквозь стену силуэты людей. Она идеальна для слежки, атаки на бреющем полете – ну и, конечно, для съемок.

³ Высказывания, сеющие ненависть.

«Хеннелора» – не самое новое, что есть на рынке. Многие считают что «Sky Pravda» превосходит ее по большинству параметров, особенно в области инфракрасной порносъемки. У «Правды» гораздо лучше оптический камуфляж – система «split time» на кремниевых волноводах. Ее вообще невозможно засечь. А моя «Хеннелора» использует традиционные метаматериалы, и мне не стоит подлетать к живой мишени слишком уж близко. И то – лучше со стороны солнца.

Но моя «Хеннелора», во-первых, гораздо лучше вооружена. Во-вторых, тюнинг делает бессмысленным любое сравнение с серийными моделями. В-третьих, я сжился с ней, как с собственным телом, и пересест на новую камеру мне было бы очень трудно.

Когда я говорю «боевой летчик», это не значит, что я летаю в небе сам, всем своим толстым брюхом, как наши волосатые предки в своих керосиновых гондолах. Как и все продвинутые профессионалы нашего века, я работаю на дому.

Я сижу рядом с контрольным маниту, согнув ноги в коленях и упершись грудью и животом в россыпь мягких подушек – в похожей позе ездят на скоростных мотоциклах. Подо мной самое настоящее оркское княжеское седло древних времен, купленное за огромные деньги у антиквара. Оно черное от времени, с еле различимой драгоценной вышивкой, и довольно жесткое, что при сидячей и полулежащей работе хорошо для профилактики простатита и геморроя.

На моем носу легкие очки со стереоскопическими маниту, в которых я вижу окружающее «Хеннелору» пространство так же, как если бы я вертел приделанной к камере головой. Над контрольным маниту висит гравюра старинного художника «Четыре всадника Апокалипсиса». Одного по моей просьбе убрал знакомый сомелье, чтобы мое рабочее место стало как бы продолжением метафоры. Это иногда вдохновляет.

Пилотаж – сложное искусство, похожее на верховую езду; в моих руках изогнутые рукоятки, а под ступнями – оркские серебряные стремяна, купленные вместе с седлом и подключенные к контрольному маниту. Сложными, почти танцевальными движениями ног я управляю «Хеннелорой». Кнопки на рукоятках отвечают за боевые и съемочные системы камеры; их очень много, но мои пальцы помнят их наизусть. Когда моя камера летит, мне кажется, что лечу я сам, корректируя свое положение в пространстве легчайшими движениями ног и рук. Но я не чувствую перегрузок. Когда они становятся опасными для систем камеры, реальность в моих очках краснеет, вот и все.

Интересно, что менее опытный летчик рискует разбить камеру гораздо меньше, поскольку работает встроенная «защита от дурака». Но мне приходится отключать эту систему ради некоторых особо изощренных маневров – и еще ради способности снижаться почти до самой земли. Если разобьется камера, сам я останусь жив. Но это будет стоить мне столько маниту, что лучше бы мне, право, умереть. Поэтому я действительно лечу сам, и эта иллюзия является для меня самой настоящей реальностью.

Я уже говорил, что выполняю самые сложные и деликатные задания корпорации. Например, начать очередную войну с орками.

О них, конечно, надо рассказать в самом начале, а то будет непонятно, откуда взялось это слово.

Почему их так называют? Дело не в том, что мы относимся к ним с презрением и считаем их расово неполноценными – таких предрассудков в нашем обществе нет. Они такие же люди, как мы. Во всяком случае, физически. Совпадение с древним словом «орк» здесь чисто случайное – хотя, замечу вполголоса, случайностей не бывает.

Дело здесь в их официальном языке, который называется «верхне-среднесибирским».

Есть такая наука – «лингвистическая археология», я ею немного интересовался, когда изучал оркские пословицы и поговорки. В результате до сих пор помню уйму всяких любопытных фактов.

До распада Америки и Китая никакого верхне-среднесибирского языка вообще не существовало в природе. Его изобрели в разведке наркогосударства Ацтлан – когда стало ясно, что китайские эко-царства, сражающиеся друг с другом за Великой Стеной, не станут вмешиваться в происходящее, если ацтланские нагвали решат закусить Сибирской Республикой. Ацтлан пошел традиционным путем – решил развалить Сибирь на несколько бантустанов, заставив каждый говорить на собственном наречии.

Это были времена всеобщего упадка и деградации, поэтому верхне-среднесибирский придумывали обкуранные халтурщики-мигранты с берегов Черного моря, зарплату которым, как было принято в Ацтлане, выдавали вещами. Они исповедовали культ Второго Машиаха и в память о нем сочинили верхне-среднесибирский на базе украинского с идишизмами, – но зачем-то (возможно, под действием веществ) пристегнули к нему очень сложную грамматику, блуждающий твердый знак и семь прошедших времен. А когда придумывали фонетическую систему, добавили «уканье» – видимо, ничего другого в голову не пришло.

Вот так они и укают уже лет триста, если не все пятьсот. Уже давно нет ни Ацтлана, ни Сибирской республики – а язык остался. Говорят в быту по-верхнерусски, а государственный язык всего делопроизводства – верхне-среднесибирский. За этим строго следит их собственный Департамент Культурной Экспансии, да и мы посматриваем. Но следить на самом деле не надо, потому что вся оркская бюрократия с этого языка кормится и горло за него перегрызет.

Оркский бюрократ сперва десять лет этот язык учит, зато потом он владыка мира. Любую бумагу надо сначала перевести на верхне-среднесибирский, затем заприходовать, получить верхне-среднесибирскую резолюцию от руководства – и только тогда перевести обратно просителям. И если в бумаге хоть одна ошибка, ее могут объявить недействительной. Все оркские столоначальства и переводные столы – а их там больше, чем свиарников, – с этого живут и жиреют.

В разговорную речь верхне-среднесибирский почти не проник. Единственное исключение – название их страны. Они называют ее Уркаинским Уркаганатом, или Уркаиной, а себя – урками (кажется, это им в спешке переделали из «укров», хоть есть и другие филологические гипотезы). В бытовой речи слово «урк» непопулярно – оно относится к высокому пафосному стилю и считается старомодно-казенным. Но именно от него и произошло церковноанглийское «Orkland» и «orks».

Урки, особенно городские, которые каждой клеткой впитывают нашу культуру и во всем ориентируются на нас, уже много веков называют себя на церковноанглийский манер орками, как бы преувеличенно «окая». Для них это способ выразить протест против авторитарной деспотии и подчеркнуть свой цивилизационный выбор. Нашу киноиндустрию такое вполне устраивает. Поэтому слово «орк» почти полностью вытеснило термин «урк», и даже наши новостные каналы начинают называть их «урками» лишь тогда, когда сгущаются тучи истории, и мне дают команду на взлет.

Когда я говорю – «команду на взлет», это не значит, конечно, что мне доверяют первую боевую атаку. С этим справится любой новичок. Мне доверяют съемку на храмовый целлулоид для предвоенных новостей. Любой человек в информационном бизнесе понимает, какая это важная работа.

На самом деле над каждой войной работает огромное число людей, но их усилия не видны постороннему взгляду. Войны обычно начинаются, когда оркские власти слишком жестоко (а иначе они не умеют) дают очередной революционный протест. А очередной революционный протест случается, так уж выходит, когда пора снимать новую порцию снафов. Примерно раз в год. Иногда чуть реже. Многие не понимают, каким образом оркские бунты начинаются точно в нужное время. Я и сам, конечно, за этим не слежу – но механика мне ясна.

В оркских деревнях до сих пор приходят в религиозный ужас при виде СВЧ-печек. Им непонятно, как это так – огня нет, гамбургер никто не трогает, а он становится все горячее и

горячее. Делается это просто – надо создать электромагнитное поле, в котором частицы гамбургера придут в бурное движение. Оркские революции готовят точно так же, как гамбургеры, за исключением того, что частицы говна в оркских черепах приводятся в движение не электромагнитным полем, а информационным.

Даже не надо посылать к ним эмиссаров. Довольно, чтобы какая-нибудь глобальная метафора – а у нас все метафоры глобальные – намекнула гордой оркской деревне, что, если в ней проснется свободолюбие, люди придут на помощь. Тогда свободолюбие гарантировано проснется в этой деревне просто в видах наживы – потому что центральные власти будут с каждым днем все больше платить деревенскому старосте, чтобы оно как можно дольше не пробуждалось в полном объеме, но неукротимое восхождение к свободе и счастью будет уже не остановить. Причем мы не потратим на это ни единого маниту – хотя могли бы напечатать для них сколько угодно. Мы просто будем с интересом следить за процессом. А когда он разовьется до нужного градуса, начнем бомбить. Не деревню, понятно, а кого нам надо для съемки.

Я не вижу в этом особо предосудительного. Наши информационные каналы не врут. Орками действительно правит редкая сволочь, которая заслуживает бомбежки в любой момент, и если их режим не является злом в чистом виде, то исключительно по той причине, что сильно разбавлен дегенеративным маразмом.

Да и оправдываться нам не перед кем. Суди нас или нет – но мы, к сожалению, то лучшее, что есть в этом мире. И так считаем не только мы, но и сами орки.

Информационной поддержкой революционного движения в Оркланде занимаются сомелье из другого департамента, а я отвечаю исключительно за видеоряд. Что значительно важнее и с художественной, и с религиозной точки зрения. Особенно в самом начале войны, когда уже прошла первая волна заголовков («мир предупредил орков»), а нормального фидбэка еще нет.

Последние несколько войн в паре со мной работал Бернар-Анри Монтень Монтеские – вы, вероятно, знаете это имя. Мало того, Бернар-Анри был моим соседом (слухи о его роскошном образе жизни сильно преувеличены). Мы не стали друзьями, потому что я не одобрял некоторых его увлечений, но знакомы были близко, и в профессиональном смысле составляли хорошую крепкую команду. Я был ведомым-оператором, а он – обозревателем-наводчиком.

Сам он предпочитал называть себя философом. Так же его представляли в новостях. Но в платежной ведомости, которую составляют на церковноанглийском, его должность называется однозначно: «crack discourse-monger first grade»⁴. То есть на самом деле он такой же точно военный. Но противоречия тут нет – мы ведь не дети и отлично понимаем, что сила современной философии не в силлогизмах, а в авиационной поддержке. Именно поэтому орки и пугают своих детей словом «дискурсмонгер».

Как и положено настоящему философу, Бернар-Анри написал мутную книгу на старофранцузском. Она называется «Les Feuilles Mortes», что значит «Мертвые Листья» (сам он переводил чуть иначе – «Мертвые Листы»). Ударные дискурсмонгеры гордятся знанием этого языка и возводят свою родословную к старофранцузским мыслителям, придумывая себе похожие имена.

Это, конечно, чистейшая травестия и карнавал. Они, однако, относятся к делу серьезно – их спецподразделение называется «Le Coq d'Esprit»⁵, и на людях они постоянно перебрасываются непонятными картавыми фразами. Но мне хорошо известно, что Бернар-Анри знал на старофранцузском всего несколько предложений и даже песни слушал с переводом. Поэтому книгу за него, если разобраться, написал креативный доводчик с французским модулем.

Мы знаем, как сочиняются эти трактаты на старофранцузском – берется какая-нибудь смутная древняя цитата, загоняется в маниту, пальцы пару секунд щелкают по меню, и готово

⁴ Ударный дискурсмонгер первой статьи.

⁵ «Петух Духа».

– кубики слов можно громоздить до потолка. Но другие наводчики ударной авиации не утруждают себя даже этим. Так что Бернар-Анри был добросовестным профессионалом, и если бы не его мрачное хобби, экранный словарь уделил бы ему гораздо больше места.

Многие до сих пор считают его эдаким бескорыстным рыцарем духа и истины. Он им не был. Но я его не осуждаю.

Жизнь слишком коротка, и сладких капель меда на нашем пути не так уж много. Нормальный публичный интеллеktуал предпочитает комфортно лгать вдоль силовых линий дискурса, которые начинаются и заканчиваются где-то в верхней полусфере Биг Биза. Иногда он позволяет себе петушинный крик свободного духа в безопасной зоне – обычно на старофранцузском, чтобы никого случайно не задеть. Ну и, понятно, разоблачает репрессивный оркский режим. И все.

Любое другое поведение экономически плохо мотивировано. На церковноанглийском это называется «smart free speech» – искусство, которым в совершенстве владеют все участники мирового дух-парада.

Это не так просто, как может показаться. Тут недостаточно известной внутренней пластичности, а необходимо еще и знание того, как эти силовые линии изгибаются на самом деле, чего никогда не понимают орки. А линии к тому же имеют свойство плавно менять положение, так что работа почти такая же нервная и рискованная, как у биржевого маклера.

Вот, кстати – креативный доводчик предполагает, что слово «smart», то есть «хитроумный», образовано от древнего знака доллара (так когда-то назывались маниту) и сокращенного «рынок» – «mart». Очень может быть. Но владение smart free speech само по себе – это довольно низкооплачиваемый навык, поскольку предложение значительно превышает спрос.

Только не подумайте, что я смотрю на этих ребят сверху вниз. Я по сути ничем не лучше. Как коммерческий визуальный художник я, безусловно, трусливый конформист – и меня вполне устраивает такое положение дел. Зато легчик я смелый и опытный, это факт. И еще – изобретательный и пылкий любовник, хоть та, на кого устремлена моя любовь, вряд ли сможет по-настоящему ее оценить. Но об этом потом.

Итак, все началось с того, что нам с Бернаром-Анри дали поручение заснять для новостных роликов формальный видеоповод для войны номер 221 – так называемый «casus belly» (экранные словари уверяют, что это церковноанглийское выражение происходит от древней идиомы «надорвать [врагу] животик»). Заснять на самом деле означает «организовать». Мы с Бернаром-Анри понимаем это без слов, поскольку начали вместе уже две войны – номер 220 и номер 218. Девятнадцатую начали наши творческие конкуренты.

Организовать casus belly – это задание тайное, деликатное и очень непростое. Его доверяют только самым лучшим специалистам. То есть нам.

Самым убедительным и неоспоримым видеоповодом для войны, по поводу которого согласны абсолютно все критики, комментаторы и пандиты, в сегодняшней визуальной культуре, как и века назад, считается так называемая «damsel in distress». Опять извиняюсь за церковноанглийский, но по-другому не скажешь. К тому же мне нравится звучание этих грозных, словно пропахших порохом, слов.

Damsel in distress – не просто «дева в печали», как переводится это выражение. Скажем, если эта оркская дева спит где-нибудь на сеновале и видит кошмар, от которого вспотела и трясется, бомбить из-за такого не начнешь. Если оркская дева вывалилась в говне, получила оплечуху от бабки и ревет, сидя в луже, толку от этого тоже мало, хотя ее печаль может быть совершенно искренней. Нет, damsel in distress предполагает, с одной стороны, угнетенную чистоту, а с другой – нависшее над ней тяжеловооруженное зло.

Сгенерировать подобную картинку с любым разрешением – пять минут работы для наших сомелье. Но такими вещами CINEWS INC занимается только в развлекательном блоке.

То, что попадает в новостные ролики, должно действительно произойти на физическом плане и стать частью Света Вселенной. «Thou shalt keep thy newsreel wholesome»⁶, сказал Маниту. Может, он этого и не говорил, но так нам передали.

Именно по религиозным причинам новостные ролики снимаются на храмовую целлулоидную пленку. Фотоны врезаются в светочувствительную эмульсию, приготовленную служителями Дома Маниту по древним рецептам, в точности как много сотен лет назад (благоговейно воспроизводится даже ее ширина).

Пленка должна быть горючей, потому что в Прописях есть фраза «пылает, как кровь Маниту». А почему требуется сохранить живой отпечаток света, объясняют при посвящении в Мистерии, но я уже слишком вырос из детских штанишек, чтобы это помнить – да и не хочу лезть в богословские вопросы. Существенно здесь одно – пленочная камера занимает ужасно много места в моей «Хеннелоре». Когда б не эта камера, да не ракеты с пушками, остальную технологию можно было бы упрятать в контейнер размерами с фаллоимитатор. Но что делать, если так хочет Маниту.

Когда речь идет о новостях, мы не можем подделывать изображение событий. Но Маниту, насколько понимают теологи, не станет возражать, если мы чуть-чуть поможем этим событиям произойти. Конечно, самую малость – и эту грань чувствуют только настоящие профессионалы. Такие, как я и Бернар-Анри. Мы не фальсифицируем реальность. Но мы можем сделать ей, так сказать, кесарево сечение, обнажив то, чем она беременна – в удобном месте и в нужное время.

Мы ждали подходящего момента для операции несколько дней. Потом осведомитель в свите уркагана сообщил, что Рван Дюрекс, уже запятнавший себя кровью восставших орков (звено телекамер успело предотвратить масштабное кровопролитие ракетным ударом, но на совести кагана остались коллатеральные жертвы), возвращается в Славу (так называется оркская столица) по северной дороге.

Мы с Бернаром-Анри немедленно вылетели на перехват.

Когда я говорю «мы», это означает, что туда полетела моя «Хеннелора», заряженная пленкой и снарядами. С ней было мое сознание, а тело оставалось дома – только крутило головой в боевых очках и давило на рычаги. А вот Бернара-Анри доставили в Оркланд на самом деле, такая уж у него работа. Риск, конечно. Но когда моя «Хеннелора» рядом, совсем небольшой.

Платформа высадила Бернара-Анри на краю дороги в паре километров от Славы – и поднялась в тучи, чтобы не тратить батарею на камуфляж.

Миссия началась.

Бернар-Анри велел мне осмотреть местность и найти подходящую фактуру, пока он будет молиться. Молиться, да уж... На самом деле старый сатир просто накачивался веществами, как всегда перед боевой съемкой. Но старшие сомелье закрывают на это глаза, потому что так Бернар-Анри лучше выглядит перед камерой.

А это, понятное дело, в работе экранного дискурсмонгера важнее всего. Открытые жесты и поза, спокойный и медленный голос, уверенные манеры и речь. Никаких почесываний головы, никаких рук в карманах. Мы живем в визуальном обществе, и смысловое содержание экранной болтовни обеспечивает лишь пятнадцатую часть ее общего эффекта. Остальное – картинка.

Порошки Бернара-Анри начинают действовать в полную силу часа через полтора-два – как раз тогда должна была появиться колонна кагана. Время имелось, но терять его не следовало – надо было срочно искать фактуру.

Я набрал высоту.

⁶ Твои новости да будут чисты.

Местность была довольно депрессивной. Вернее, с одной стороны от дороги она была даже живописной, насколько это слово применимо к Оркланду – там были конопляные и банановые плантации, речка и пара вонючих оркских деревень. А с другой стороны начинались самые мрачные джунгли Оркланда. Мрачны они не сами по себе, а из-за того, что за ними. Через несколько сотен метров деревья редуют, и начинается огромное болото, которое по совместительству служит кладбищем.

Орки называют его Болотом Памяти – там вся Слава хоронит своих умерших. С высоты оно похоже на мрачное серо-зеленое озеро, куда впадают жилки тонких речушек. Оно почти все усеяно желтыми, серыми и темными крапинками, с высоты похожими на веснушки. Это плавучие оркские гробы, так называемые «спутники» – круглые лодки, которые накрывают соломенной крышкой с четырьмя торчащими вверх палками. Орки верят, что в этих посудицах их души улетают в космос к Маниту. Не знаю, не знаю.

Лес вдоль болота орки высадили специально (да, бывает и такое – орк, сажающий деревце). Они сделали это, чтобы отогнать вонючую сине-зеленую жижу от дороги и своих огородов. Когда каган ездит мимо, его всегда сопровождает охрана, поскольку тут легко устроить засаду. А вообще здесь малоллюдно – орки боятся своих мертвецов. Кто-то вбил им в голову, что каждое их поколение обязательно предаст предыдущее, и страх предков стал у них подопблем коллективного невроза. Которому помогают и живущие в болоте жирные крокодилы – хотя из воды они не вылазят. Им хватает спутников.

В древние времена здесь селились так называемые «мудрецы», стремящиеся подчеркнуть свой потусторонний статус ежедневной близостью к смерти. А городские орки ходили к ним погадать по книге «Дао Песдын» – они верили, что так можно задать вопрос самому Маниту (я не шучу, у орков действительно есть такая книга, хоть написали ее, скорей всего, наши сомелье). Но при оркском императоре Просре Ликвиде вольных мудрецов упразднили, а все гадалки были подчинены генеральному штабу. С тех пор в кладбищенский лес ходит только молодежь – парочки, которым негде уединиться. Мертвецов и крокодилов они, конечно, боятся, но любовь сильнее смерти. Был бы я философ, как Бернар-Анри, обязательно воспел бы по-старофранцузски тайный праздник жизни, цветущий в этих мертвых чащобах.

Можно было поискать подходящую натуру возле деревень, где бродят пасущие скот оркские девки нежного возраста. А можно было полететь вдоль дороги над кромкой джунглей. Я выбрал второе, и буквально через пять минут полета наткнулся на то, что было нужно.

По обочине шла оркская парочка. Это были мальчишка и девчонка, одногодки – лет шестнадцати или чуть больше. Я так уверенно определяю цифру, поскольку у орков это *consent age*, и будь кто-то из них младше, вряд ли они решились бы показаться вместе. Оркские власти с тупым рвением подражают нашему механизму сексуальных репрессий – они и наш возраст согласия позаимствовали бы, позволь такое наши советники. Думают, видимо, что именно здесь проходит дорога к технотронному обществу. Впрочем, для них другой в любом случае не осталось.

У парочки были с собой удочки. Все сразу стало ясно – «рыбалка» заменяет молодым оркам задний ряд кинозала.

Я сделал максимальное увеличение и некоторое время разглядывал их лица. Парень был обычным оркским мальчишкой – симпатичным и белобрысым. Они все такие, пока не начинают пить волю и колоть дуриан. А вот *damsel* была идеальной.

В кадре она смотрелась просто здорово. Во-первых, она не выглядела ребенком, и это было хорошо, потому что малолеток показывали перед двумя последними войнами, и зритель от них устал. Во-вторых, она была очень хороша собой – я имею в виду, конечно, для биологической женщины. Я был уверен, что Бернару-Анри немедленно захочется защитить эдакую свинку от какой-нибудь напасти.

Я поглядел на маниту. Каган был еще далеко, и у меня оставалось время. Но вряд ли имело смысл искать другой материал. Я коротко сообщил Бернару-Анри о своей находке, передал девичью мордашку на его маниту, и он мгновенно на нее залип, я это по дыханию понял. Тогда я включил максимальную маскировку, осторожно обогнул парочку, зашел им за спину и полетел следом, прислушиваясь к их болтовне.

Они повернули в лес и вскоре нашли поляну на берегу одной из впадающих в болото речушек. Где немедленно принялись... ловить рыбу. Парень, видимо, был рыболов-спортсмен – и гнал от себя все другие мысли. Скоро девушка стала заметно скучать, и я тоже, а он все удил и удил. И у него клевало.

Когда до появления колонны осталось полчаса, дела у них пошли чуть интереснее. Но мне, к сожалению, уже пора было вмешаться.

Грым глядел на висящий в небе черный шар Бизантиума.

Наклонив голову и сощурился, можно было представить, что это гнездо огромной птицы, поселившейся на соседнем дереве. Сощурился еще сильнее, можно было вообразить, что это мяч каких-то титанических футболистов – летящий из далекой древности, когда вокруг еще не было пальм, снег шел много дней в году и по белой целине ходили волосатые мамонты...

Грым посмотрел на Хлою.

«Надо прямо сейчас, – подумал он. – Потом поздно будет... Но как? Чего, вот так встать, подойти и обнять? А она возьмет и спросит – чего это ты вдруг? Почему именно сейчас, а не раньше? Чертовы удочки...»

По всем признакам Хлоя хотела того же, что и он. Она не накрутилась перед встречей – по негласному молодежному ритуалу это было намеком на ожидание решительных действий, от которых макияж может пострадать.

И хорошо, что не накрутилась.

Ее круглая голова со смешно оттопыренными ушами, розовыми щечками и гладкой, как на боевом барабане, кожей, нравилась ему без косметики гораздо больше. Пахла Хлоя тоже очень приятно, совсем не по-оркски – наверно, перекладывала на ночь свою одежду душистыми травами. Или покупала модные в этом сезоне духи «Ancient Serpent» – семья у нее была не из бедных.

Одевалась она тоже стильно. На ней было новое школьное платье, которое одновременно напоминало о детстве и приглашало с ним расстаться. Еще на ней была жилетка с портретами Николя-Оливье Лоуренса фон Триера в ролях разных лет. Такие жилетки с надписью «Two cultures – one world» делали в Желтой Зоне, и стоила она не меньше ста маниту. В семье Грыма на ерунду столько не тратили. А на плече у Хлои висела сумка-косметичка из шкуры добермана – тоже не из дешевых.

– Не спи, у тебя опять клюет.

Выдернув удочку, Грым снял рыбу с крючка и бросил Хлое. Та поймала ее и легонько шлепнула головой о камень. Потом, хихикнув, еще раз. Потом еще.

Грым не выдержал, подошел и отобрал у нее трепыхающуюся рыбу. Оглушив ее одним ударом, он кинул ее на землю и вернулся к удочкам.

Ругаться не хотелось – по сравнению с другими оркскими девчонками Хлоя была доброй. Она никогда не мучила москитов перед тем, как прихлопнуть.

– Чего ты злобствуешь, – сказала Хлоя, пряча рыбу в пластиковый пакет с водой, где уже томились две других. – Мне скучно. Зря я сюда приперлась.

У Грыма внутри похолодело.

«Все, – подумал он. – А потом уже не пойдет...»

– Если скучно, давай поговорим, – предложил он.

К счастью, у него было чем занять руки – надо было насадить на крючок нового червя.

– Ну давай, – вздохнула Хлоя и обхватила руками свои колени.

Грым закинул удочку, подошел к Хлое и сел рядом – так, чтобы случайно ее не коснуться.

– Сочинение написала уже?

Хлоя кивнула.

– Списала. А ты?

– Нет, – сказал Грым. – Я не начинал даже.

– Тогда хана тебе, – констатировала Хлоя.

– Почему, – ответил Грым. – Я за день напишу. Сдеру из «Свободной Энциклопедии».

– Ты все время своей энциклопедией хвастаешься, – сказала Хлоя. – И специально разговор каждый раз подводишь, чтобы про нее сказать. Давай я хвастаться буду, что у моего отца мотоцикл?

Грым покраснел – она попала в точку.

– Дура ты, – сказал он. – Я не поэтому про энциклопедию вспомнил. А потому, что даже там некоторых вещей не могу найти.

– Каких?

– Почему всем оркским династиям имена наверху выбирают? Рванам, например. И Визит, и Дюрекс – это ведь не оркские слова, правда?

– Нет, не оркские, – согласилась Хлоя.

– Берут слова из древности, которых народ не понимает. Может, у них смысл обидный, а мы не знаем. И одежду для солдат они придумывают. Нам только выкройку спускают перед войной. В энциклопедии про все это ни слова. А на рынке говорили, что Рваны всю оркскую казну у людей хранят. Иначе бы люди для нас маниту не печатали.

Хлоя дала Грыму несильный подзатыльник.

– Ты об этом помалкивай лучше, – сказала она. – А то в говне сварят вместе с нетерпилами. Тоже мне, герой из Желтой Зоны.

Награждая его затрепиной, она придвинулась – так, что Грым почувствовал прикосновение ее бока. Это было очень приятно. Но он почему-то отодвинулся. Хлоя вздохнула.

– А вот еще, смотри, – сказал Грым, сунул руку в карман и вынул банкноту в пять маниту.

Сложив ее замысловатым образом, он добился, чтобы голографический великан в многозубчатом головном уборе, держащий на плечах шар Бизантиума, превратился в удивительно мерзкого карлика с растущими из-под мышек ногами.

– Ты утомил своей политикой, – сказала Хлоя. – И у тебя опять клюет.

Грым спрятал деньги, подбежал к удочкам, ловко выдернул рыбу и кинул ее Хлое. В этот раз она оглушила ее одним ударом.

– Уже четвертая, – сообщила она, убирая рыбу в пакет с водой. – Может, пойдем, пока нас крокодил не съел?

Грым стойчески кивнул.

– Я тогда подкрашусь, – сказала Хлоя и посмотрела на него с нескрываемой насмешкой.

Грым отвел взгляд.

Завязав пакет с рыбой надежным двойным узлом, Хлоя открыла свою собачью сумку и начала прихорашиваться.

Косясь на нее, Грым принялся сворачивать удочки. Если бы на душе у него не было так мрачно, ему, верно, стало бы смешно. Он знал всю дальнейшую последовательность действий – уже видел во время прошлой, такой же бесплодной рыбалки.

Хлоя вынула из сумки угольный карандаш и нарисовала на лбу три ломаных зигзага, похожих на старческие морщины – так называемые «линии мудрости». Оркские девушки верили, что это придает им умный вид, но Грым сомневался. Затем в ее руках появился карандаш белой глины. Густо набелив свои румяные щеки, она спрятала глину, достала помаду для щек и навела поверх глины два круглых багровых пятна, которые должны были изображать здоровый молодой румянец.

В завершение процедуры она осторожно водрузила на лицо массивную черную оправу без стекол, скрученную в двух местах ниткой: последний писк девчачьей моды.

Но даже после всех этих операций, на взгляд Грыма, в ней осталось что-то привлекательное – хоть теперь Хлоя напоминала ему героиню оркской басни свинку Хрю, которая извлялась в грязи и сене, чтобы накануне Большого Обжорства притвориться старой крысой и уйти от судьбы. Мораль у басни была простой – всех свинок съели молча, а Хрю с прибаутками.

Спрятав косметические принадлежности, Хлоя подняла личико и послала ему обворожительный взгляд из-под толстых рыжих ресниц.

– Можем идти, – сказала она.

И тут – возможно, из-за того, что Хлоя теперь нравилась ему значительно меньше, – Грым наконец решился.

Шагнув к Хлое, он решительно ее обнял и поцеловал – сначала в щеку, а потом в верхнюю губу.

– Ну чего ты... Чего... Ой. Ну уйди, идиот, я накружилась уже... Я серьезно...

Но Грым не отступал, и через несколько минут сосредоточенного сопения Хлоя уже лежала на спине, а ликующий Грым был сверху, и осуществлял на практике все, что раньше позволял себе только в мыслях.

Хлоя никак не поощряла его действий, но особо и не возражала – она смотрела в сторону, морщилась и презрительно вздыхала, словно все это страшно ей надоело много лет назад. Грым вел себя не слишком ловко, поскольку не имел почти никакого опыта, но все нужные пуговицы наконец расстегнулись, полоски ткани сдвинулись, и он понял, что сейчас это действительно случится.

Это, собственно, уже начало происходить, когда Хлоя вдруг сильно шлепнула его ладонью по спине.

– Смотри, – прошептала она и кивнула в сторону поляны.

Грым поднял глаза.

Перед ним ничего не было. Но по тому, как напряглось тело Хлои, он понял, что она не шутит.

Потом он тоже увидел.

В воздухе над поляной происходило какое-то колебание. Там дрожало неясное пятно. Дрожало не оно само, а деревья с другой стороны поляны – как бывает, когда смотришь через волны горячего воздуха в жаркий день. Сперва это казалось почти незаметным, но, чем дальше Грым вглядывался, тем страннее казались деревья в пятне – будто там были не настоящие стволы и ветки, а их отражение, искривленное в зеркальном коридоре.

– Видишь? – прошептала Хлоя.

– Ага.

– Что это?

– Сейчас, – сказал Грым.

Стараясь не дать Хлое выскользнуть, он захватил в кулак ком земли с травой, приподнялся и кинул его в дрожащий круг.

Лучше бы он этого не делал.

Вместо того, чтобы пролететь сквозь пятно, земля осыпалась вниз. Удар был совсем легким, но с пятном после него произошли совершенно поразительные изменения.

Оно за долю секунды стянулось к своему центру и исчезло. А на том месте, где оно только что было, возникла Смерть.

Грым сразу понял, что это она – словно ему уже показывали ее и объясняли, какой будет их последняя встреча. Он узнал ее и почти не испугался.

Смерть была матово-черной и походила на длинный приземистый мотоцикл – без колес, но зато со множеством несимметричных фар на носу. Некоторые были прозрачными, а другие белыми, как глаза слепца. На мотоцикле не было седока, но для смерти это казалось вполне нормальным. У смерти были короткие черные крылья, косо торчащие в стороны, а ее косо сбитое несимметричное тело состояло из множества плавно покачивающихся плоскостей – словно бы каких-то постоянно открывающихся и закрывающихся клапанов.

У смерти была даже татуировка – сходящиеся к носу красные стрелы, делавшие в середине фюзеляжа зигзаг. Под стрелами были мелкие значки, отмечавшие победы – большие и маленькие человеческие фигурки и какие-то цифры, очень солидные цифры. Сразу за цифрами на фюзеляже были закопченные стальные накладки, из которых торчали короткие жерла пушек. И еще смерть жужжала – но совсем тихо. Если бы Грым не вслушивался специально, он бы ни за что этого не заметил.

– Камера, – выдохнула Хлоя, и Грым понял, что Хлоя права.

Но это вовсе не значило, что он ошибся насчет смерти.

Он никогда не видел боевую телекамеру так близко. Только на картинках.

– Не дрожи ты так, – прошептала Хлоя. – Хотел бы убить, уже убил бы. Ему что-то нужно. Давай встанем, только медленно... И руки подними.

Стараясь не делать резких движений, Грым поднялся на ноги – и понял всю тяжесть своего положения. Хлое было просто: поднявшись, она просто оправила платье. А его штаны упали вниз, и он так и стоял, красный от стыда, глядя в бельма висящего перед ним черного мотоцикла.

Вдруг раздалась громкая музыка – это заиграли внешние динамики камеры.

Музыка была странной, совсем не оркской. Она была грозно-пронзительной, и напоминала о древности, забытой славе и смерти. Она играла целую минуту, не меньше – и к ее концу Грым почувствовал в груди такую отвагу, что нагнулся, натянул штаны и застегнул пуговицу.

Музыка стихла, и камера плавно качнулась в воздухе – словно указывая, куда идти. Грым нерешительно шагнул в этом направлении, и камера сразу же кивнула белым носом, совсем как выражающий согласие человек.

Грым сделал шаг, потом еще один. Камера переместилась вместе с ним.

– Он хочет, чтобы мы вышли на дорогу, – сказала Хлоя.

– Я понял, – ответил Грым. – А может, в лес убежим? Как он нас ловить будет среди деревьев?

Трудно было поверить – но камера будто слышала эти слова. Она повернулась к лесу, отделявшему поляну от дороги, и Грым увидел ее сложно-изогнутое узкое тело в профиль. На одном из стабилизаторов стала заметна желтая эмблема Бизантиума – двойная зеркальная «В», похожая на вертикально перечеркнутую восьмерку.

Раздался громкий треск. Камера окуталась дымом, и в лес понеслись какие-то очень быстрые красные нитки, оставляющие за собой дымный след. Там, где эти нитки сшибались со стволами, возникали желтые облака древесной трухи, и высокие старые деревья, словно перерубленные свечи, валились в разные стороны.

Потом камера перестала стрелять, повернулась к Грымму и Хлое и несколько раз повела в разные стороны носом – совсем как человек, отрицательно качающий головой. Когда она замерла, треск падающих стволов был еще слышен.

– Вот так будет ловить, – сказала Хлоя. – Понял?

– Понял, – ответил Грым сам не зная кому – камере или Хлое.

Теперь к дороге вела дымящаяся просека, и выбрать маршрут было нетрудно. Камера пропустила их вперед и поплыла следом.

Выйдя на дорогу, Грым и Хлоя остановились.

– А дальше? – спросил Грым.

– Сейчас объяснит, – предположила Хлоя.

Грым повернулся к камере.

Камера повела себя странно. Не отворачивая от них своих белым, она поплыла вверх и вбок, в сторону солнца – и вдруг исчезла. Грым понял, что она опять включила камуфляж. Сразу стало непонятно, где она – никакого дрожания в воздухе различить было нельзя.

Грым несколько секунд вглядывался в небо.

– Может, она улетела? – предположил он.

Никто не ответил.

Грым повернулся и увидел, что Хлоя лежит на дороге, свернувшись аккуратным калачиком. Она выглядела безмятежно спящей, а из руки у нее торчала какая-то зеленая стрелка. Грым хотел нагнуться, а потом услышал щелчок, и что-то его укололо. Он увидел такую же зеленую стрелку, торчащую из своей груди. Он выдернул ее – за пластиковой ножкой была короткая гибкая иголка, такая тонкая, что даже не выступило крови.

«Ничего страшного», – подумал он.

Потом ему страшно захотелось сесть на дорогу, и не было никакой возможности противостоять этому желанию. А когда он сел, стало ясно, что надо лечь, и он лег.

Хлоя лежала рядом – он видел ее платье, плечо и часть лица. Ее глаза были открыты, но она смотрела в сторону.

Грым плохо понимал происходящее. Ему казалось, что надо немного собраться с силами, и можно будет встать. Надо было, чтобы кто-то помог, чуть подтолкнул, и тогда оцепенение отпустило бы. Но помощи не было.

Кажется, солнце успело немного переместиться по небу. А потом он почувствовал еще один укол, на этот раз в ногу, и паралич сразу прошел. Он повернул голову и увидел, что Хлоя тоже ожила.

Она уже почти встала, и вдруг получила такой удар в спину, что снова растянулась в пыли. Грымму показалось, будто солнце ушло за тучи. Он поднял глаза.

Закрывая полнеба, над ним нависли вооруженные всадники. За их спинами была целая кавалькада, которой Грым с Хлоей перекрыли путь.

Видимо, в ней ехал кто-то очень важный. Его охраняли конные ганджуберсерки из гарнизона Славы – седобородые богатыри с накладными пыльными дредами и короткими костяными трубками в зубах. Они были одеты в камуфляж с черными латами и вооружены тяжелыми копьями. Один из всадников только что ткнул Хлою в спину тупым концом копья – и теперь разворачивал его для удара острием. Берсерки убивали не думая, поэтому Грым замер от ужаса.

Но тут раздалась короткая команда, и берсерк опустил копье. Линия всадников расступилась, и они съехали с дороги.

– Встать!

Грым и Хлоя кое-как поднялись на ноги.

Перед ними был черный моторенваген – длинный и открытый, из самых дорогих. Такой мог быть только у очень важного вертухая. Но в нем сидели не глобальные урки, а мрачные

правозащитники в черных плащах. Дальше стоял другой моторенваген – тоже черный, еще приземистей и внушительней, только закрытый. А еще дальше возвышался красный в золотых спастиках паланкин с чудотворным ликом Маниту, спрятанным за занавеской. Его держали потные силачи в бархатных шортах, по четверо на каждую ручку.

Верх второго моторенвагена плавно открылся, свернувшись в ракушку за сиденьями. К дверце сразу подскочил подпрыгивающий от рвения придворный секретарь из кастратов, наряженный в гербовое трико и маску петуха.

В моторенвагене сидел...

Грым не поверил своим глазам.

Там сидел Рван Дюрекс, уркский каган и правитель, великий герой семи войн. Слева от него на заднем сиденье развалился обмазанный сладостями мальчонка-любимец. Справа блестящими цепями резиновая женщина – из тех, что делают в Биг Бизе. Женщин каган не любил, о чем знали все. Это был просто символ статуса, толерантности и готовности к межкультурному диалогу.

Хмурое лицо вождя с косо подбритыми бакенбардами и серыми мешками вокруг глаз не сулило ничего хорошего. Он поднял руки и зевнул, расправляя тело, затянутое в черный атласный лапсердак.

– Что такое?

Секретарь прогнулся, чтобы клюв его маски оказался ближе к уху господина, и тихо заговорил, указывая на Грыма и Хлою.

Морщины на лице Рвана Дюрекса разгладились, и он усмехнулся.

– На дороге? – спросил он.

Секретарь кивнул.

Рван Дюрекс поглядел на Грыма оценивающе – словно раздумывая, не взять ли в пажи. Грым заметил, что любимчик кагана тоже внимательно на него смотрит. Дюрекс перевел взгляд на Хлою, потом опять на Грыма – и, видимо, передумал.

– Прочь, – махнул он рукой.

И тут произошло неожиданное.

– J'accuse! – прогремел над дорогой властный голос.

Как ни испуган был Грым происходящим, он испугался еще сильнее. В присутствии кагана никто не мог говорить таким тоном.

Никто, кроме дискурсмонгеров.

Этот свистящий, похожий на щелчок бича возглас в Уркаине знали все. Им пугали детей, ибо вслед за ним приходила смерть. «J'accuse» означало «я обвиняю», но не на церковноанглийском, а на языке какого-то древнего племени, от которого дискурсмонгеры вели свою родословную.

К Хлое быстро шел неизвестно откуда взявшийся человек – видимо, он приблизился к процессии, пока все глаза были устремлены на кагана.

Человек был высок и излучал величие, хотя одет был просто и даже бедно – в рясу из мешковины, перепосанную веревкой. Величие ему придавали седые кудри до плеч и орлиный нос. Так выглядели рыцари и герои.

Грым почему-то сразу вспомнилась старинная монета с золотым ободком – один ойро из Музея Предков, на котором были отчеканены два сливающихся друг с другом человеческих контура с разведенными в стороны руками и ногами. В рисунке было столько свободы и гордого достоинства, что делалось ясно – монету чеканили не орки и даже не византийцы. Пояснительная табличка гласила: «т. н. «витрувианские мужеложцы», гравюра Леонардо Да Винчи». Несмотря на разоблачительную подпись, монета произвела на Грыма сильное впечатление. Вот такое же примерно чувство вызывал и этот дискурсмонгер.

Тот, видимо, сам был взволнован происходящим – его нижняя челюсть еле заметно подрагивала, как будто он очень быстро произносил какие-то крошечные слова, а глаза ярко блеснули. Он держал посох с изогнутой ручкой, обмотанной кожаным ремешком. Когда он воздел руки, в просвете рясы стал виден точно подобранный к ней по тону бронежилет. Такие имелись только у людей.

Каган молчал, мрачно глядя на незнакомца – по этикету ответить после такого вступления было бы бесчестьем.

Первым опомнился петушиный секретарь.

– Кто ты такой, – пришел он на помощь сюзерену, – что делаешь в земле урков и по какому праву и полномочию встаешь на пути уркагана?

Человек сделал шаг к Хлое и обнял ее за плечо свободной рукой.

– Я отвечу тебе, – прогремел он, вознося свой посох еще выше. – Я философ. Но если тебе непонятно, что значит это слово, пусть я буду для тебя просто равнодушным прохожим. Прохожим, у которого нет никаких полномочий, кроме данных ему собственной совестью...

Грым заметил, что человек смотрит не на петушиного секретаря и кагана, а совсем в другую сторону – в пространство над лесом. Он догадался, что камера до сих пор висит где-то там. Происходящее наконец стало чуть понятней.

– Но хоть у меня нет полномочий, у меня есть новости! – хорошо поставленным голосом гремел человек. – И они вам не понравятся. Ваша свора палачей и убийц не причинит вреда этому ребенку и не прольет больше ни одной слезы из этих синих глаз!

Грым подумал, что говорят явно не про него – его глаза были серо-желтыми. А потом он увидел, как человек понемногу поворачивает Хлою к невидимой камере и подталкивает в сторону – так, чтобы оставить Грыма за спиной. И древний оркский инстинкт вдруг подсказал Грымму – чтобы выжить, теперь надо не бежать от камеры, а, наоборот, любым способом оставаться в кадре. Он шагнул вперед и встал с Хлоей рядом. Дискурсмонгер мрачно глянул на него – но делать было нечего. Его голос тем временем распевно гремел над дорогой:

– Каждый человек рождается свободным, таким его замыслил Маниту! И я не могу, не стану молчать, когда какой-то монстр, ненасытное и злобное животное, попирает светлый праздник детства черной шиной своего лимузина, оплаченного слезами бесчисленных вдов. Я не знаю – но, с другой стороны, было бы очень любопытно узнать, и без промедления, – сколько еще свободный мир будет мириться с этим темным душителем свободы, делая вид, что не замечает невинных слез и брызг крови, летящих прямо в нашу оптику! Ничто не может оправдать издевательства над беззащитной чистотой, никакие затычки в равнодушных ушах не заглушат стук детского сердца, брошенного на съедение псам и свиньям! Сегодня я обвиняю оркского уркагана в том, что он палач своего народа. Сколько еще мы не будем замечать зверств этого извращенца, серийного убийцы, мечты психиатра и опаснейшего из садистов? Но я не хочу больше говорить об этом выродке, потому что он вызывает во мне тошноту. Я хочу спасти эту... Эту... Этих ребят, которым их суровая земля отказала в праве на детство и юность... Я объявляю, что они отныне под защитой Бизантиума! Они получают право на въезд в Биг Биз!

Он указал на далекий черный шар в небе, одновременно повернув голову вбок. Там, куда он смотрел, были только придорожные кусты. Грым понял, что дискурсмонгер просто показывает камере свой благородный профиль.

– Никто не может так говорить с каганом! – изумленно прошептал петушиный секретарь.

Незнакомец на миг обратил к нему сияющий неземной радостью лик и опять повернулся к пустому для непосвященных сектору неба.

– А кто с ним вообще говорит, с твоим каганом?

Грымму показалось, что вокруг стало очень тихо.

Каган по-прежнему мрачно молчал, глядя перед собой. Но петушиный секретарь этого не вынес.

– Бесчестье! – выдохнул он, выхватил из ножен свою шпажонку и пошел на дискурсмонгера.

Тот спокойно ждал, вздымая вверх свой посох, и на его лице играла все та же уверенная улыбка человека, не боящегося умереть за свои слова. И, когда Грым решил, что именно это сейчас и произойдет, в небе раздался треск, и уже знакомые красные нити перебили петушинного секретаря пополам. Вокруг поднялись высокие фонтаны праха.

Все, кто стоял на дороге, замерли.

А в следующую секунду все пришло в движение.

Первой с места стронулась Хлоя – она вырвалась из-под руки человека и побежала прочь.

Потом опомнились окружавшие моторенваген Дюрекса солдаты – и, выхватив свое оружие, пошли на человека. Но, как только они дошли до плавающего в красной луже секретаря, их сшибли те же дымные красные стрелы – хоть солдаты шли быстро, пушки без труда перемалывали их натиск. Над дорогой поднялось облако пыли, за которым моторенваген кагана был уже еле виден, на земле росла грудa развороченных тел, и только человек, все так же улыбаясь, вздымал навстречу атакующим свой посох.

Грым наконец сообразил, что самое время убраться с дороги. Его никто не держал. Он пронесся мимо берсерков, пытающихся удержать своих перепуганных лошадей, и помчался в лес. Он бежал несколько минут, потом споткнулся о корягу и упал. Упав, он так и остался лежать, пытаясь вернуть контроль над бешено работающими легкими.

Сзади некоторое время слышны были выстрелы. Затем они стихли.

Выждав с полчаса, он пошел по лесу, а потом выбрался на дорогу. Расстрелянная колонна оказалась за выступом леса – отсюда трупы не были видны.

– Хлоя! – закричал он.

Громко кричать было страшно, но все же он решился позвать еще раз:

– Хлоя!!

– Я здесь! – долетел ответ.

Грым увидел отделившуюся от линии деревьев фигурку – Хлоя вышла на дорогу шагах в ста впереди. Грым пошел ей навстречу, жмурясь от бьющего в глаза солнца.

Он уже открыл рот, собираясь заговорить о недавнем кошмаре, когда выяснилось, что кошмар и не думал кончаться.

За спиной Хлои мелькнула прозрачная тень. Потом в пустоте образовалась треугольная дыра, от которой протянулся вниз сужающийся трап. В дыре появился дискурсмонгер в коричневой рясе – он сошел вниз, и, прежде чем Хлоя заметила его, сгреб ее в охапку и швырнул внутрь черного треугольника.

Грым бросился за ним, но дискурсмонгер уже поднимался по трапу. Грым успел схватить его за ногу – но потерял равновесие и почти упал.

Дискурсмонгер поглядел себе под ноги.

Солнце озарило его раскиданные по плечам волосы, и на миг Грым показалось, что на него смотрит какой-то солнечный бог, сошедший с небес на землю. А потом солнечный бог высвободил стопу, поднял ее – и спихнул Грыма в пыль своей сладко пахнущей сандалией.

То есть это были просто потрясающие кадры. Одна серия для вечности – с солнцем, бьющим прямо в камеру над строем воинов с пиками. А вторая, уже без всяких выкрутасов – для новостей.

Я снимал одновременно на все носители, и теперь у меня была почти минута на храмовом целлулоиде, где в одном фрейме был виден развалившийся в моторенвагене Рван Дюрекс со своей убогой резиновой женщиной (даже не анимированная, и кожа из самого дешевого биопластика), дикого вида бородатые воины с занесенным оружием и стоящие перед ними детки, причем особенно хорошо получилась Хлоя, потому что она все время моргала своими огромными глазами, пытаясь зареветь, но у нее никак не получалось, и выглядело это так, словно ей и вправду непонятно, где она и что происходит. Ее оркская раскраска была очень кстати – эти зигзаги на лбу входят в моду и у нашей молодежи. Поможет с эмпатией, ясно любому сомелье.

Кстати пришлось и оркские бородачи.

У орков есть два вида элитной гвардии – отряды, которые должны строиться по правую и левую руку от кагана, «правозащитники» и «ганджуберсерки» («левозащитниками» их не называют, потому что эта сторона считается у орков нечистой). В боевом смысле они примерно равноценны, но из-за своих трубок, бород и дредов ганджуберсерки гораздо лучше смотрятся на маниту. Мне повезло, что разбираться с детками стали именно они – правозащитники носят длинные черные плащи со спастикой и больше похожи на попов, чем на солдат.

Грым тоже попал в кадр, к чему я совсем не стремился. Но было секунд пятнадцать, где Хлоя шлепала ресницами одна – рядом с зазубренным наконечником копья, с чуть размытым каганом на заднем плане. Грыма теперь могли вырезать, а могли и оставить в кадре в расчете на гей-аудиторию, он был вполне симпатичный. Но такие вопросы решаю не я.

И тут на арену выскочил этот клоун Бернар-Анри, про которого я, если честно, совсем забыл – и принялся отрабатывать свой номер. Таким обдолбанным я его еще никогда не видел, но пришлось снимать – это все-таки моя работа. В общем, пообнимался он с оркским юношеством, погрозил кулаком солдатам, и тут бы ему в самый раз убраться с дороги. Все бы кончилось чисто – каган ведь не дурак и понимает, что к чему. Но болван перегнул палку, и мне пришлось стрелять.

Я терпеть не могу работать в таких условиях – это как слону танцевать в посудной лавке. Мне ни в коем случае нельзя было попасть в кагана или в эту оркскую парочку, уже зафиксированную на храмовой пленке. В Бернара-Анри, понятно, тоже нельзя было стрелять, хотя мне почти хотелось. Между ним и каганом оставался узкий просвет, по которому я мог работать из своих пушек, и не было, естественно, никакой гарантии относительно рикошетов, проходивших опасно близко к автомобилю.

– Уйди с директрисы, кретин! – закричал я Бернару-Анри по связи.

Но тот словно не слышал – а может, просто отключил связь. Я уже думал, что положу кагана и потеряю работу – но спасла случайность.

Каган в это время тоже был на связи – и, хоть знал, что в него стрелять не должны, испугался. Как только началась пальба, он прижался к своей резиновой женщине. Вышло это у него непроизвольно, потому что он опытный человек и знает, как вести себя перед камерой. Но получилось смешно.

А дальше оказалось еще смешнее.

«Директрисой» на нашем профессиональном жаргоне называется коридор для пуль, который нельзя занимать членам съемочной группы. А каган, этот тупой орк, решил, что люди так называют резиновых женщин и он портит мне кадр. В результате он резво откинулся в сторону. И в самое время – один из рикошетов прошел точно сквозь его резиновую бабу, из которой во все стороны брызнула красная краска. Это сразу же сообщило внимательному зрителю очень многое об интимных вкусах кагана. Верх его моторенвагена стал подниматься, но было уже поздно.

Только тогда до Бернара-Анри дошло, что самое время убратся с дороги. Стража ошетилилась пиками, сомкнула кольцо вокруг закрывшегося моторенвагена, и процессия поползла дальше по дороге, прямо по трупам – чтобы не размыкать строй. Бернар-Анри все еще вздымал вверх свой посох, но я его уже не снимал. Поскольку на Бернара-Анри больше никто не нападал, стрелять у меня повода не было.

Когда орки прошли, оказалось, что на дороге не меньше сорока солдатских трупов. Они были черные, истоптанные подошвами и выглядели страшно – снимать это для новостей было ни к чему. Спасенных уже не было видно – они успели благополучно слинять.

Я поглядел на маниту и увидел, что система насчитала мне за эти пятнадцать минут полтора миллиона. Видимо, многое из снятого пришлось нашим сомелье весьма кстати. Если бы я так зарабатывал на каждом вылете, я мог бы купить себе внешнюю виллу в нижней полусфере, подумал я. Или вернул бы кредит за Каю всего через три года...

Бернар-Анри все еще стоял на обочине – видно, никак не мог прийти в себя от своих М-витаминов. Я вызвал его трейлер и решил дожидаться, пока он в него залезет – все-таки до конца операции он был на моей ответственности. Ругать я его не стал, поскольку все кончилось удачно, а по военной традиции в таких случаях разбор полетов оставляют на потом. Но тут он решил поговорить со мной сам.

– Где девчонка? – спросил он хрипло.

– Откуда я знаю, – ответил я. – Я за ней не следил.

– Я с ней не закончил, – сказал он.

Тут уж я не выдержал – потому что отлично понимал, о чем он говорит на самом деле.

– Я сейчас из-за тебя чуть кагана не убил, кретин, – заорал я. – Я еще и твоих сучек должен пасти?

– Ты с кем говоришь, летающая задница? – заорал он в ответ. – Я Бернар-Анри Монтень Монтестье! А кретин был твой папá, что не кончил на пол...

И пошло, и поехало – пока прилетело его корыто, мы десять раз успели высказать, что думаем друг о друге, и даже немного больше. Потом он отправился ее искать, и вскоре сообщил, что девка нашлась – она пряталась в лесу. Он погрузил ее в трейлер и повез в Зеленую Зону – у него давно отработана технология. В этот раз его подруга имела шанс прожить дольше чем обычно – Бернар-Анри взял подряд на обустройство послевоенного мира и мог застрять внизу надолго.

Теперь я имел полное право поставить камеру на автопилот и парковку. Камера полетела домой, а я был свободен.

Как только я слез с боевых подушек и снял очки, Кая подняла на меня глаза и сказала:

– Мясник.

Я к этому времени уже забыл, что сам посадил ее у контрольного маниту следить за вылетом – поскольку стрельбы в моих планах не было. Кто же знал, что все так обернется. Девочка, конечно, увидела много нехорошего.

– Летающая задница, – повторила Кая злым голосом. – Зачем ты убил столько народу? Мне их жалко. Жирная скотина. Кровавый дебил. Я больше никогда не буду смотреть, как ты летаешь. Слышишь? Никогда!

Тут мне стало обидно, потому что я и правда тучный. Бернар-Анри всегда бьет ниже пояса. Кая тоже.

Издваться над избытком веса способен только худой во всех смыслах человек. Где ему понять, что раздобреть Маниту позволяет лишь избранным. Не зря ведь богача с незапамятных времен изображают хохочущим толстяком.

Ваша масса – это ваше присутствие во вселенной. Если вас сто пятьдесят кило, заключенной в вас жизни хватит на двух среднестатистических граждан. Неудивительно, если вы умнее обычного человека или значительно превосходите остальных в какой-нибудь области.

Толстяки, конечно, не всегда гении, но, как правило, это интересные, добродушные и чрезвычайно полезные обществу люди. Я хороший пилот именно потому, что при управлении «Хеннелорой» полагаюсь на инстинкты – то есть лечу животом. Сразу всем.

Правда, в силу технологических причин пилоты древности в большинстве были худыми и маленькими, но и здесь я могу указать на таких известных асов, как Герман Геринг и Бенито Муссолини. И совсем не случайно оба прославились также в качестве государственных деятелей. Но Кае на все это наплевать.

Я, кстати, заметил интересную вещь. Когда она называет меня жирным, мне не обидно, я уже привык. Когда называет слабоумным, я тоже только посмеиваюсь. Но когда она называет меня слабоумным и жирным одновременно, я чувствую обиду. И ничего не могу с этим поделать.

Кроме себя мне винить некого. Я сам выставил ей существо на максимум – никто меня не заставлял.

Это такая настройка в ее красном блоке. У меня на предельных положениях стоят одновременно «существо», «соблазн» и «духовность». Но о том, что это значит, я расскажу чуть позже.

Короче, я обиделся и пошел в комнату счастья, где стоит маниту, с которого управляется Кая. Там я ввел пароль и поставил ее на паузу.

Я регулирую ее настройки из такого места не потому, что вкладываю в это какой-то символический канализационный смысл – просто Кае никогда не надо сюда ходить. Меньше риска, что она когда-нибудь дотянется до управления сама. Но я чувствую, что здесь мне пора дать некоторые пояснения.

Кая – это цветок моей жизни, моя главная инвестиция, свет моего сердца, счастье моих ночей и еще много-много лет выплат по кредиту.

Кая – моя сура.

Я хочу сразу объяснить, что по своей сексуальной ориентации я стопроцентный глуми. Глумак, глумырь, куклоб, пупарас – называйте меня как хотите. Если вы пупафоб и у вас есть предрассудки на этот счет, это ваша проблема, которую вам вряд ли удастся сделать моей. Мы веками боролись за свои права – и добились, что сегодня слово «gloomy» пишется через почетную запятую со словом «gay». Но это политкорректный термин, а сами мы зовем себя пупарасами.

Если вы не в курсе, «пупарас» – это бывший оскорбительный термин для глуми пипл, образованный от древнелатинского «пура» – «кукла». Мы взяли его на вооружение – точно так же, как геи когда-то превратили оскорбительную кличку «queer» в свою ироническую самоидентификацию. На Биг Бизе это в высшей степени респектабельное выражение. В качестве оскорбления слово «пупарас» сегодня используют только орки, которые путают его с «пидарасом». Но для них эти термины не обязательно указывают на сексуальную ориентацию и чаще всего означают человека, пренебрегающего нравственными нормами (хотя что это такое для орков – отдельный вопрос).

Я, конечно, ничего не имею против биологических партнеров и даже пробовал их несколько раз в жизни. Но это попросту не мое. Мой выбор – сура.

Мне безумно нравится само это слово. Так, мне кажется, должна называться песня, молитва, или какая-нибудь птица райской расцветки. Но это просто сокращение церковноанглийского «surrogate wofe», дошедшее до нас из времен, когда пупарасов еще можно было публично унижать. Только я не уверен, что сур правильно называть суррогатными женщинами (тем более «резиновыми», как иногда на слэнге говорим мы сами).

Скорее, суррогатами в наши дни являются женщины живые. Особенно после того, как возраст согласия повысили до сорока шести. И резиновыми их тоже вполне уместно называть – из-за имплантов, которые они ставят себе сегодня практически во все места.

С тех пор, как киномафия и пожилые феминистки захватили в нашем старящемся обществе власть, главное, что они делают, это повышают consent age. Сейчас они планируют добраться до сорока восьми. Для геев и лесбиянок возраст согласия пока сорок четыре, потому что у них сильное лобби, и они пробили себе эту поправку через affirmative action⁷, – но им тоже планируют поднять до сорока шести. И если бы не GULAG (а я член этого движения уже девять лет), возраст согласия подняли бы сразу до шестидесяти.

Наше объединение, по сути – последний якорь, на котором в обществе еще держатся остатки свободы и здравого смысла. Но про ГУЛАГ я расскажу как-нибудь потом – долгая тема. Сейчас замечу только, что это единственная подлинно общественная сила, способная, если потребуется, противостоять и властям, и новостям. То, что называется grassroots power⁸. И линия фронта, хе-хе, проходит прямо через мое сердце.

На самом деле, конечно, не все так страшно – строго запрещен не секс, а его съемка. В отношении самого секса действует ювенальное правило «don't look – don't see»⁹. Впрочем, ежедневно извлекать из него практическую пользу могут только орлы вроде Бернара-Анри.

Как утверждают циники, возраст согласия повышают пожилые феминистки – в надежде, что кто-то польстится с голодухи на их перезревшие прелести. Чушь, конечно. Борьба за чужое сексуальное бесправие – это экстремальная форма полового самовыражения, примерно такая же, как секс со старой сандалетой или анальный эксгибиционизм. Посмотрите на лица борцов, и все поймете. Конечно, жестоко отказывать им в праве на реализацию своих эротических фантазий. Проблема, однако, в том, что эгоистичные действия одного-единственного секс-меньшинства создают проблему для огромной массы людей.

Но дело даже не в самих этих кликушах – здесь они просто ширма. Их используют исключительно в качестве говорящих голов, а направляют и финансируют эту работу совсем другие силы.

Власти повышают возраст согласия из-за постоянного давления киноиндустрии, которая яростно лоббирует этот вопрос. Впрочем, попытки киномафии поднять возраст согласия находят в обществе известный отклик, ибо соответствуют его ханжеской морали. Кающиеся геронтократы думают, что успеют перед смертью задобрить Маниту, принеся ему в жертву чужую радость. Но мы не радуем Маниту этими дарами. Мы лишь оскорбляем Его.

Когда в воскресенье мы, свободные люди нового века, приходим в храм, чтобы посмотреть свежий снаф, мы каждый раз лицом к лицу сталкиваемся с бесконечным лицемерием, пропитавшим нашу мораль. Лицемерием объемным, выпуклым и цветным.

Нет, наше подношение не лживо целиком. Мы, пилоты, чисты перед Маниту: со смертью в снафах все честно. Но любовь, которую мы предлагаем Его чистым лучам, насквозь фальшива. И когда Маниту покарает нас – а рано или поздно такое случится, – бенефициаров этого святотатства не спасут ни счета, ни сокровища.

Выглядит все вполне пристойно. Актеры не вызывают отвращения, их тела все еще красивы (хоть и несколько перезрелой лоснящейся красотой), движения тщательно продуманы, режиссура совершенна. Но хоть пластическая хирургия и достигла в наши дни небывалых высот, природу трудно обмануть.

С мужчинами это не так страшно. В конце концов, мужской пол достаточно безобразен по своей сути – вместо красоты у него, как говорится, тестостерон и деньги. Но актрисы...

Вы видите, например, сидящую на кровати девчушку с двумя пегими косичками и плюшевым зайкой в руках, и уже верите, что перед вами нежное утро юности – а потом на шее у этого выкроенного из собственных лоскутов существа вдруг мелькает еле заметная птеродак-

⁷ По антидискриминационной линии.

⁸ Сила простых людей.

⁹ Не смотри – не видь.

тилья складка, вы мгновенно понимаете, что это старуха, и теплая волна внизу вашего живота сменяется дрожью омерзения, пронзающей все тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.